

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(53-й годъ изданія).

1 ноября.

№ 41.

1915 года.

Подписная цѣна

въ годъ съ доставкою и пересыл-
кой—5 руб.

Подписка принимается

въ редакціи Епарх. Вѣдом. при
Тул. Дух. Консисторіи.

Часть официальная.

Перемѣны по службѣ.

Рукоположенъ псаломщикъ церкви села Новоприборной слободы, Веневского уѣзда, *Владиміръ Орловъ* во священника къ церкви села Лаврова, Ефремовскаго уѣзда—11 октября.

Перемѣщенъ псаломщикъ села Никольскаго-Каменки, Богородицкаго уѣзда, *Симеонъ Глаголевъ* въ село Коломенское, того же уѣзда—16 октября.

Уволенъ за штатъ псаломщикъ села Коломенскаго, Богородицкаго уѣзда, *Тимофей Новгородскій*—14 октября.

Исключенъ изъ списковъ за смертію священникъ села Спасскаго на Плавичѣ, Чернскаго уѣзда, *Сергій Никольскій* — 16 октября.

Утверждены: въ должности члена благочинническаго Совѣта—по 1 Новосильскому округу священникъ соборной Успенской г. Новосиля церкви *Константинъ Архангельскій*, и по 2 Одоевскому округу—священникъ с. Березова *Леонидъ Рудневъ*,—оба на трехлѣтіе—съ 8 октября 1915 года.

Освобожденъ ота обязанностей завѣдыванія Крестовоздвиженской двухклассной женской школы протоіерей Крестовоздвиженскаго монастыря гор. Бѣлева *Александръ Филомавитскій* и **назначенъ** завѣдывающимъ означенной школы священникъ Крестовоздвиженскаго монастыря *Димитрій Сахаровъ*.

Уволены отъ занимаемыхъ должностей учащіе церковно-приходскихъ школъ Тульскаго уѣзда: Александровской школы при Тульскомъ Щегловскомъ монастырѣ *Никифоръ Осиповъ* съ 1 сентября, Бобровской—*Сергій Рудаковъ* съ 1 сентября, Каменской—*Александра Мосякова* отъ того же сентября и Рождествено-Акульшинской—*Иванъ Большаковъ* съ 16 сент.

Перемѣщены учащіе церк.-приходскихъ школъ: Можайской—*Анастасія Сахарова* въ Архангельско-Стародубскую и Бѣгичевской—*Варвара Щеглова* въ Рождествено-Акульшинскую—обѣ съ 1 октября.

Опредѣлены учащіе въ церк.-приходскія школы: *Антонина Грызлова* въ Александровскую школу при Тульскомъ Щегловскомъ монастырѣ съ 16 сентября и *Софія Мерцалова* въ шкслу дер. Каменки, Богородицкаго уѣзда, прих. села Лобынскаго, Тульскаго уѣзда, съ 1 октября.

Утвержденъ священникъ Тульскаго Успенскаго женскаго монастыря *Василій Глаголевъ* въ должности второго законоучителя церк.-приходской школы того же монастыря.

Утверждена въ должности учительницы Монаенской двухклассной перк.-приходской школы окончившая курсъ Бѣлевскаго Епархіальнаго женскаго училища *Раиса Петровская*.

Поручено временно преподаваніе Закона Божія въ Алексинскомъ высшемъ начальномъ училищѣ, за болѣзнь зако-

ноучителя о. *Покровскаго*, священнику гор. Алексипа о. *Преображенскому*.

Поручено преподаваніе Закона Божія въ Аннинскомъ училищѣ учителю этого училища *Николаю Воропаеву*.

Назначень священникъ с. Троицкаго-Бачурина о. *Виноградовъ* на должность законоучителя начального земскаго училища въ Заводскій Хуторъ.

Допущены къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ—Сухановскомъ—діакону с. Высотскаго *А. Лебедеву* и въ Пашковскомъ—учащимъ этого училища *Матронъ Куликовой* и *Наталіи Авиловой*.

Утверждены церковными старостами: къ церкви села Шульгина, Алексипскаго уѣзда — крестьянинъ *Александръ Ламзинъ*, къ церкви села Скниги, того же уѣзда—крестьянинъ *Федоръ Ермаковъ*, къ церкви села Мясоѣдова, Крапивенскаго уѣзда—крестьянинъ *Гавріилъ Черкасовъ*, къ церкви Новыхъ Горокъ, Чернскаго уѣзда — врачъ *Павелъ Суринъ* и къ церкви села Селезнева Колодезя того же уѣзда—крестьянинъ *Петръ Пучковъ*.

Освященіе церкви.

19 октября сего 1915 года совершено освященіе вновь выстроенной деревянной церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы г. Ростовцевой въ деревнѣ Хотяновкѣ прихода села Лутова, Богородицкаго уѣзда.

Списокъ пожертвованій.

Въ Петропавловскую гор. Бѣлева церковь — отъ Бѣлевскихъ мѣщанскихъ дѣвицъ Софіи и Ольги Будылкиныхъ 4% Государственная рента на 100 руб. за вѣчное поминовение.

Вакантныя мѣста.

Священническія.

Сел. Борисова, Каширскаго уѣзда, съ 17 апрѣля 1915 г.
Сел. Щетинина, Бѣлевскаго уѣз., съ 30 августа 1915 г.
Сел. Покровскаго, Алексинскаго уѣзда, съ 23 сентября 1915 г.

Сел. Спасскаго на Плавницѣ, Чернскаго уѣзда, съ 16 октября 1915 г. Земли церковной 39 дес. Прихожанъ м. пола 1096. Причта положено быть: священнику и псаломщику.

Діаконскія.

Сел. Колтова, Каширскаго у. съ 7 іюня 1914 г.
Сел. Погорѣлаго, Бѣлевскаго у. съ 17 сентябр. 1915 г.
Сел. Голощапова, Крапивенскаго у. съ 2 окт. 1915 г.

Псаломщическія.

При Тульскомъ Успенскомъ Кафедральномъ соборѣ съ 31 іюля 1915 г.

Сел. Спасскаго-Ростова, Богородицкаго у. съ 15 сентяб. 1915 г.

Сел. Вязовны, Одоевскаго у. съ 17 сентября 1915 г.

Сел. Порѣчья, Одоевскаго у. съ 22 сентября 1915 г.

С. Частаго, Тульскаго у. съ 14 сентября 1915 г.

Сел. Березовки, Ефремовскаго у. съ 10 октября 1915 г.

Сел. Никольскаго на Озеркахъ, Чернскаго уѣзда съ 12 октября 1915 г.

Сел. Куликовки, Епифанскаго у. съ 27 октября 1915 г. Земли церковной 38 дес., прихожанъ м. п. 909, причта положено быть: священнику и псаломщику.

Сел. Ильинки, Богородицкаго у. съ 19 октября 1915 г. Земли церковной 36 дес., прихожанъ м. п. 1159, причта положено быть: священнику и псаломщику. Для причта имѣются церковныя помѣщенія.

ТУЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

1 ноября.

№ 41.

1915 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Владиміръ Свѣтой: князь — язычникъ, князь — христіанинъ, основныя черты жизни и дѣятельности князя Владиміра.

(Къ 900-лѣтію его кончины)).*

1015—15 іюля—1915.

Мы собрались сегодня, какъ и всегда, по исключительному случаю, — собрались праздновать великій юбилей великаго человѣка земли русской. 15-го іюля текущаго 1915 г. исполнилось 900-тъ лѣтъ со дня кончины св. равноапостольнаго князя Владиміра, великаго просвѣтителя «державы російскія».

Въ жизни каждаго народа, — какъ большаго, такъ и малаго, и просвѣщеннаго и непросвѣщеннаго — бывають великія историческія событія, живутъ великія, дорогія сердцу народному имена. Память о нихъ всегда и неизмѣнно твердо хра-

*) Юбилейная рѣчь, произнесенная въ залѣ Тульского Епархіальнаго женскаго училища преподавателемъ мужскаго духовнаго училища К. В. Никольскимъ 1-го октябри 1915 года.

нится въ народномъ самосознаніи. Только рѣ обычное будничное время она какъ-бы тускнѣетъ, какъ-бы спитъ. Но наступаютъ моменты, когда эта память пробуждается, прорывается, такъ сказать, съ особенной силою и, смывая съ народной души весь соръ буденъ, горитъ яркимъ, свѣтлымъ праздникомъ. Вотъ на такой свѣтлый праздникъ мы собрались и сегодня. Нашъ долгъ, наша прямая нравственная обязанность, по случаю юбилея, почтить память лица, давшего намъ самое дорогое, самое нужное въ жизни, — давшего намъ святую православную вѣру, просвѣтившаго Русь свѣтомъ Христова ученія. Я не буду говорить о томъ, какъ велика, бесконечно велика въ этомъ отношеніи заслуга святого князя, какую громадную, колоссальную роль въ жизни русскаго народа сыграла Христова религія, это другая задача, да это понятно и безъ словъ. Я хочу только дать нѣсколько «историческихъ» воспоминаній о самой личности «просвѣтителя Руси», — о томъ, какъ и чѣмъ онъ жилъ до принятія христіанства, какъ пришелъ къ мудрому рѣшенію переменить вѣру, — какъ, рѣшивши это сдѣлать, искалъ новую вѣру подобно «купцу, ищущему добраго бисера», а, нашедши, жилъ по ней и заставилъ жить весь русскій народъ. Къ воспоминаніямъ объ этомъ мы и приступимъ.

Всматриваясь въ жизнь и дѣятельность князя Владиміра, мы ясно видимъ двѣ ярко выраженныхъ личности, не похожихъ одна на другую и послѣдовательно смѣнившихъ одна другую, видимъ: князя—язычника и затѣмъ князя—христіанина. Эти двѣ діаметрально-противоположныхъ религіи дали и двухъ діаметрально-противоположныхъ людей, представивъ намъ въ этомъ случаѣ разительнѣйшій примѣръ полного перерожденія челоуѣка, какъ-бы вторичнаго рожденія.

Вотъ предъ нами Владиміръ—язычникъ, и черты стараго языческаго культа все на лицо. Когда Владиміръ вступилъ на престолъ, языческая партія, испуганная было христіанствомъ Ольги, снова подняла голову: у нея оказался защитникъ, сильный властію и горячій фанатизмомъ. Съ новымъ княземъ появились новые саженные идолы громовержца Перуна съ серебряной головой и золотымъ усомъ предъ самымъ княжескимъ теремомъ. Въ жертву идоламъ полилась кровь и не однихъ животныхъ, а и челоуѣческая, самая пріятная жертва богамъ. Про одну изъ такихъ жертвъ, полныхъ языческаго

фанатизма и принесенныхъ именно по приказанію князя въ благодарность богамъ за удачный походъ, трогательно рассказываетъ намъ препод. лѣтописецъ, записавшій это событіе, вѣроятно, потому, что на этотъ разъ жребій палъ на одного изъ христіанъ, жившихъ въ Кіевѣ. Это извѣстный лѣтописный рассказъ о мученической кончинѣ христіанъ — варяговъ, Θεодора и сына его Іоанна, 12-лѣтняго мальчика, на котораго именно палъ жребій. Но тотъ же лѣтописецъ, съ спокойнымъ безпристрастіемъ бытописателя, передаетъ намъ рассказъ и о другой, уже не религіознаго фанатизма жертвѣ, а чисто мірскаго характера, — жертвѣ властолюбія, борьбы за престолъ, каковой жертвою палъ родной братъ Владиміра князь Ярополкъ.

Но здѣсь мы должны нѣсколько вернуться назадъ, — должны углубиться въ исторію жизни Владиміра до лѣтъ его дѣтскихъ и отроческихъ, хотя свѣдѣнія изъ этого періода его жизни очень скудны и блѣдны. Объ этомъ періодѣ мы знаемъ лишь вотъ что.

Владиміръ былъ третій сынъ извѣстнаго воинственностью князя Святослава, родившійся отъ Малуши, рабыни Ольги, исполнявшей обязанности ключницы, т. е. экономки. Мѣстомъ родины его было село Будутино подъ Псковомъ, принадлежавшее Ольгѣ, куда «во гнѣвѣ» отослала свою рабыню старая княгиня. вмѣстѣ съ Малушей, вѣроятно, переѣхалъ въ Будутино и братъ ея, Добрыня, дядя Владиміра. Добрыня, повидимому, сталъ съ самаго начала ближайшимъ лицомъ къ Владиміру; сдѣлался, по всей вѣроятности, его главнымъ руководителемъ и воспитателемъ. Это былъ человѣкъ, какъ рисуютъ его лѣтописи, умный и проницательный, довольно суровый и фанатичный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень властолюбивый. Сѣмена язычества, такъ пышно разросшіяся потомъ во Владиміръ, несомнѣнно, заложены были въ немъ его воспитателемъ-язычникомъ. Сколько времени пробылъ новорожденный князь съ матерью и дядей въ Будутинѣ неизвѣстно, только въ 968 году Владиміръ оказывается уже въ Кіевѣ при дворѣ, на попеченіи бабки своей Ольги. Когда скончалась св. княгиня Ольга, сынъ ея Святославъ (отецъ Владиміра), все время княженія матери проведеншій въ походахъ, и теперь не захотѣлъ оставить своего любимаго занятія, продолжалъ войны, а власть, т. е. управленіе страной, передалъ дѣтямъ:

старшаго, Ярополка, посадилъ въ Кіевѣ, — втораго, Олега, у древлянъ; а Владиміръ, — по малолѣтству ли или по причинѣ незнатности рода по матери, — не получилъ княжескаго стола. Но его, вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстнаго намъ брата Малуши, ловкаго и рѣшительнаго боярина Добрыни, пригласили къ себѣ на княженіе новгородцы, и великій князь Святославъ этому не противился. Къ нимъ юный Владиміръ и переѣхалъ и, при помощи упомянутаго Добрыни, сталъ княжить въ Новгородѣ.

Между тѣмъ у Ярополка съ Олегомъ черезъ нѣсколько лѣтъ вышло столкновеніе, результатомъ котораго была смерть Олега и переходъ его земель къ старшему брату. Опасаясь, можетъ быть, того же и по отношенію къ себѣ со стороны Ярополка, а, можетъ быть, и по закону кровавой родовой мести, требовавшей за смерть смерти, Владиміръ вступаетъ въ борьбу съ старшимъ братомъ и, при помощи своихъ новгородцевъ и кривичей, да призванныхъ изъ-за моря варяговъ, овладѣваетъ Кіевомъ, а брата лишаетъ жизни. Эта кровавая борьба не была единственной у Владиміра. Онъ также, еще во время похода на Кіевъ, расправился и съ полоцкимъ княземъ Рогвольдомъ, оскорбленный отказомъ его дочери Рогнѣды, на которой хотѣлъ жениться; разбивъ Рогвольда, отнялъ у него всѣ земли, все великое Полоцкое княжество, а самого князя убилъ и насильно женился на его дочери, бывшей уже невѣстой другого.

Но и кромѣ Рогнѣды, у князя было еще нѣсколько женъ, было много женъ, — «бѣ бо, по выраженію лѣтописца, яко древній Соломонъ, жены любяй зѣло... въ похотѣхъ плотскихъ безъ воздержанія аки въ тинѣ валяшеся». Въ этомъ случаѣ Владиміръ былъ истый сынъ своего народа, сынъ своей грубой, чувственной религіи: многоженство было въ обычаѣ язычниковъ славянъ, допускалось ихъ нравственнымъ кодексомъ. Но и безсердечіе, описанная жестокость Владиміра, заглушавшая въ пылу кровавой борьбы за престолъ даже кровныя родственныя чувства и изъ-за одного оскорбленнаго самолюбія доводившая до убійства, — всѣ эти дикія, звѣрскія выходки князя на ряду съ упомянутыми проявленіями слѣпотаго религіознаго фанатизма и грубыми проявленіями чувственности, — все это въ князѣ-язычникѣ понятно, естественно, допустимо. Это все естественный необходимый плодъ той пер-

вобытнѣй религiи, которую вначалѣ, до христіанства, исповѣдывалъ князь; все это естественный результатъ естественнаго вліянія того народа, къ которому Владиміръ-язычникъ принадлежалъ, и о мысляхъ, чувствахъ, складѣ жизни котораго лѣтописецъ между прочимъ сказалъ: «пже звѣринимъ образомъ живяху». Во Владиміръ только, по удивительной яркости его характера, по необычайной силѣ всей его необычайной натуры, все это сказывалось только необычайно, въ размахистыхъ, яркихъ краскахъ.

Князь также былъ и необычайно воинствененъ, склоненъ къ походамъ, унаслѣдовавъ, очевидно, это свойство отъ своего отца. Лѣтопись перечисляетъ намъ длинный рядъ походовъ и завоеваній, совершенныхъ Владиміромъ и до княженія и, въ особенности, въ бытность его великимъ княземъ. Кромѣ упомянутой уже войны съ полоцкимъ княземъ, завершившейся присоединеніемъ цѣлаго княжества, Владиміръ, по вступленіи на престолъ, велъ удачныя войны съ сосѣдними западными славянами и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ цѣлую область Прикарпатскихъ славянъ, такъ называемую Галичину; совершилъ удачный походъ на Прикамскихъ болгаръ, усмирить отказавшіяся было платить дань славянскія племена вятичей и радимичей, сокрушилъ разбойничье племя ятвяговъ, отражалъ постоянные набѣги дикихъ степняковъ-печенѣговъ, ходилъ, наконецъ, по примѣру отца, и на грековъ... Вообще, это былъ типичный князь-дружинникъ, съ языческими вкусами и привычками, съ широкой неукротимой натурой, проявлявшейся и въ религiи, а больше всего любившей разгулъ и походы, заканчивавшіеся обыкновенно пирами. Про пиршества князя Владиміра, про его ковши круговые «зелена вина» поетъ прусскій народъ и не просто поетъ, а съ восторгомъ, съ любовью. Народъ, вообще, любитъ Кіевского князя, не замѣчаетъ въ немъ даже его темныхъ сторонъ, потому что видитъ въ нихъ самого себя, свою плоть и кровь, — видитъ свои собственные вкусы и идеалы, воспитанные роднымъ язычествомъ. Ни про одного русскаго князя не сохранилось столько и такихъ восторженныхъ, полныхъ любви и ласки народныхъ былинъ и пѣсенъ, какъ про «красное солнышко», «ласковаго князя Владиміра».

«Какъ во стольномъ градѣ во Кіевѣ —

У ласковаго князя Владиміра

Было шированье — почестный столъ»...

поетъ нашъ народъ про своего любимца-князя, рассказывая потомъ, какъ на это «пированьице — почестный столъ» со всѣхъ сторонъ съѣзжались дружинники-богатыри, застольные князя товарищи, а чистаго поля соратники. Съ ними князь пировалъ въ свѣтлой грядницѣ, а въ чистомъ полѣ билъ враговъ земли русской, оберегалъ ея границы, ставилъ по нимъ заставы крѣпкія, строилъ городки. И «нача ставити грады, пишетъ лѣтописецъ, по Деснѣ и по Остри и по Трубежеви и по Сулѣ и населяти ихъ *лучшими* людьми отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Вятичей». И ширилось, и росло и крѣпло молодое русское государство, а съ нимъ вмѣстѣ росъ и ея молодой языческій князь,—росъ и умственно и нравственно, несмотря на грубость своей отцовской религіи. Таковъ Владиміръ-язычникъ и въ личной, и въ общественной жизни.

Какъ государственный дѣятель, Владиміръ-язычникъ стоитъ на большой высотѣ; онъ ревностно и удачно расширяетъ границы своего княжества, горячо и честно блюдетъ интересы народные—и матеріальные и духовные; по вступленіи на престолъ, рьяно исповѣдуетъ «вѣру отцовъ», поддерживаетъ ее по всѣмъ городамъ, ставитъ кумиры. Но онъ же, убѣдившись въ лживости этой вѣры, не задумывается и порвать съ отцовской религіей, порвать со всѣмъ, въ чемъ родился и выросъ, и съ чѣмъ порвать ему, несомнѣнно, было не легко. Не задумывается разбить то, чему поклонялся недавно.

Какъ же это вышло? Какъ язычникъ, рьяный и фанатичный, какимъ мы его видѣли, со всѣми проявленіями языческаго міровоззрѣнія и темперамента, дѣлается сознательнымъ христіаниномъ и сознательно и властно приобщаетъ къ новой религіи и народъ свой?

Воля князя—мы знаемъ—была непреклонна, а разумъ—глубокій и ясный. Князь крѣпко держался язычества; но стоило ему увидѣть чужое лучшее, стоило только убѣдиться въ превосходствѣ чужого,—какъ взгляды и симпатіи немедленно же мѣнялись: свое, но худшее неизбѣжно терялось, теряло цѣну и, какъ таковое, мѣнялось на чужое, но лучшее,—мѣнялось сразу и навсегда. Искренность и рѣшимость на ряду съ сильнымъ природнымъ умомъ были всегда отличительными чертами Владиміра. А лучшее окружало князя со всѣхъ сторонъ, могучей широкой волной надвигалось отовсюду.

ду—и съ сѣвера отъ варяговъ, и съ запада отъ нѣмцевъ и въ особенности, съ востока. отъ Византіи, съ которой у нашихъ предковъ-славянъ завязались издавна разнообразныя и крѣпкія связи: и политическія, и торговыя и даже религіозныя. Наша молодая, младенческая страна, какимъ по отношенію къ Византіи было тогдашнее Кіевское княжество, находилась всецѣло, жила подъ благотворнымъ культурнымъ вліяніемъ богато-развитой 1000-лѣтней культуры грековъ,—какъ губка впитывала въ себя блага сосѣдней цивилизації, благоговѣла предъ Константинополемъ, который въ глазахъ нашихъ предковъ былъ не просто городъ, а «Царьградъ», блестящій и поражающій красотой и богатствомъ своихъ построекъ: храмовъ, дворцовъ, памятниковъ искусства. Сюда тянулись и русская мысль и русская предприимчивость. Князья шли походами, привлекаемые добычей; купцы для торговли. Путь, прорѣзавшій съ сѣвера на югъ всю Кіевскую Русь по рѣкамъ Волхову и Днѣпру и служившій тогда единственнымъ средствомъ удобнаго сообщенія, былъ настолько извѣстной торной дорогой въ Византію, что такъ и именовался у нашихъ предковъ путемъ «изъ варягъ въ греки»; а море, извѣстное подъ именемъ Чернаго, служившее продолженіемъ этого пути, называлось у нашихъ предковъ «Русскимъ». При такихъ столь оживленныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ Византіей, изъ которыхъ самыми оживленными были, несомнѣнно, торговыя, вмѣстѣ съ дорогими, тонкими винами, тонкими греческими полотнами, — вмѣстѣ съ шелкомъ, серебромъ и другими изысканными товарами, въ русскую землю изъ Греціи не могли не проникать и новыя возвышенныя идеи, свѣжія цѣнныя вѣянія. На Русь съ своими товарами пріѣзжали новые люди, исповѣдывавшіе новую, не похожую на младенческую вѣру славянъ, религію; подолгу здѣсь жили и, входя въ живыя непосредственныя общенія съ русскими, невольно будили ихъ спящую мысль, привлекали ихъ дѣтекую религіозную любознательность. Сѣмя Христовой вѣры незримо западало въ души славянъ-язычниковъ, незримо тамъ, какъ въ богатой дѣвственной почвѣ, созрѣвало и приносило плодъ. Безъ всякихъ проповѣдниковъ, какъ живительная влага въ сухой жаждущей нивѣ, проникало христіанство въ русскую землю и уже, задолго до Владиміра, имѣло тамъ многочисленныхъ послѣдователей. При Игорѣ, во время

«договора» съ греками, русскіе уже дѣлились на крещенныхъ и некрещенныхъ, при чемъ крещенные вѣялись подъ присягою въ соборномъ храмѣ пророка Іліи. Почти половина дружины Игоря была христіанскою, а вдова этого князя, мудрая княгиня Ольга, не только приняла Христову вѣру, но своею святою жизнію снискала себѣ и почетный титулъ «святой равноапостольной». Всѣмъ извѣстно и чудесное обращеніе ко Христу Кіевскихъ князей Аскольда и Дира.

Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ, при такомъ «теченіи» христіанства въ Россію, оставаться въ сторонѣ отъ него князь Владиміръ? Могли ли устоять отъ «соблазна» его горячее, чуткое сердце, его природный здравый инстинктъ? Предъ глазами стоялъ живой примѣръ мудрой бабки, бросившей идоловъ; въ ушахъ, можетъ быть, отдавались смѣлыя слова мужественнаго христіанина варяга, твердо отвѣтившаго толибъ: «Не дамъ сына моего бѣсамъ!» И сердце Владиміра не устояло, отвергнулось «отъ бѣсовъ» и стало искать «новаго Бога»; а у дверей его уже смиренно стоялъ Христосъ и терпѣливо ждалъ великаго князя и его великій смиренный народъ. Владиміръ однако не сразу принялъ христіанство, а долго и осторожно выбиралъ «новую вѣру», пока наконецъ не остановился на христіанскомъ исповѣданіи православнаго греческаго закона. Лѣтописецъ картинно, въ яркихъ этнографическихъ краскахъ и любопытныхъ подробностяхъ описываетъ намъ это Владимірово «испытаніе вѣры».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перуне, выдѣбай!

(Изъ современнаго религіознаго творчества новыхъ пророковъ)

(Окончаніе).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, откуда взяли теософы свою новую религіозную истину, которая должна стать на мѣсто христіанскаго вѣроученія, и въ чемъ состоитъ эта истина, добытая путемъ синкретизма. Такъ какъ

христіанство признается самой совершенной религіей не только неповѣдниками его, но и людьми, отрицающими всякую религію, то слѣдовало-бы думать, что теософы, собирающіеся дать систему изъ истинъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ религій, волею или неволею принуждены будутъ признать и принять христіанскія истины, какъ самыя совершенныя, а содержаніе еругихъ религій отбросить, какъ истины, менѣ совершенныя, если онѣ несогласны съ христіанскими. Но теософы, враги христіанства, очень знаютъ, что ставъ на эту точку, они окажутся въ положеніи унтеръ-офицерской вдовы, высѣкшей самое себя. И поэтому, чтобы миновать такое непріятное положеніе, они дѣлаютъ для своей операціи такую базу: «различаясь по названіямъ и подробностямъ (только-то!), всѣ религіи согласны между собою относительно тѣхъ важнѣйшихъ положеній, которыя одни только и имѣютъ важное значеніе для жизни: относительно образа жизни, который долженъ вести хорошій человѣкъ, относительно тѣхъ качествъ, которыя онъ долженъ развивать въ себѣ, и такихъ пороковъ, съ которыми онъ долженъ бороться. Относительно этихъ жизненныхъ вопросовъ ученія совершенно тождественны, какъ у индусовъ, буддистовъ, послѣдователей Зороастра, такъ и іудеевъ и христіанъ» (3—4 стр.). Теософамъ не хочется затягивать на своей шеѣ петлю и признать христіанство предъ другими религіями совершеннѣйшей и тѣмъ признать бесполезность и безцѣльность синкретизма своего. Или, напротивъ, надо лишить христіанство его авторитета и низвести въ рядъ обыкновенныхъ религій и тѣмъ получить себѣ право разсматривать его на ряду съ ними. Они и говорятъ: важна собственно въ религіяхъ нравственно-практическая сторона, а она во всѣхъ религіяхъ одинакова, такъ слѣдовательно и всѣ религіи между собою одинаковы вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но если всѣ религіи одинаковы между собою въ нравственно-практической сторонѣ, — а это собственно и важно для жизни, по утвержденію теософовъ, — то почему же всѣ религіи находятся между собою въ смертельной враждѣ и взаимно исключаютъ другъ друга? Стало быть, не «это самое важное для жизни» въ религіяхъ, а фактъ вражды ихъ и непримиримости между собою доказываетъ, что увертка въ эту сторону теософовъ неудачна. Да наконецъ: правда-ли, что всѣ религіи согласны между собою «относительно тѣхъ ка-

чествъ, которыя долженъ развивать въ себѣ хорошій человѣкъ, и такихъ пороковъ, съ которыми онъ долженъ бороться? Нечего и говорить про другія языческія религіи, а взять хотя бы буддизмъ, который признается лучшею языческою религіей съ нравственно-практической стороны и который такъ любитъ та же Бловацкая; развѣ онъ тождествененъ въ этой области съ христіанствомъ? Суетловіе! Именно, тѣмъ то онъ существенно и отличается отъ христіанства, что, вопреки увѣреніямъ теософовъ, «вопросомъ о качествахъ, которыя хорошій человѣкъ долженъ развивать въ себѣ», — *онъ вовсе не занимается*. Онъ говоритъ только «о порокахъ, съ которыми должно бороться». Въ его пяти заповѣдяхъ — не убивай, не распутничай, не лги, не воруй и не пьянствуй — вовсе нѣтъ никакого положительнаго идеала хорошаго человѣка, а только отрицательный. Но вѣдь хорошій человѣкъ выявляется не въ недѣланіи какихъ либо дѣлъ, а именно въ дѣлахъ своихъ, какія совершаетъ. Нынѣ такъ и спрашиваютъ: «покажи мнѣ вѣру *отъ дѣлъ твоихъ*». Что же надо дѣлать, чтобы быть «хорошимъ человѣкомъ»? — Объ этомъ буддизмъ и молчитъ. И такой положительный идеалъ хорошаго человѣка, признанный и принятый культурою, который не дала ни одна религія, ни одна философская система, выдвигается только христіанствомъ и ничѣмъ больше! Стало быть, и съ этой стороны увертка теософовъ отъ очевидныхъ фактовъ въ сторону униженія христіанства, должна считаться недобросовѣстной. Вслѣдствіе этого база, которую избрали теософы для того, чтобы считать всѣ религіи вмѣстѣ съ христіанствомъ равночестными, не выдерживаетъ критики и содержитъ завѣдомыя натяжки. Но посмотримъ, насколько теософы счастливѣе своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ религіознаго синкретизма и удалось ли имъ выдѣлить «всѣ истины, лежащія въ основѣ религій и соединить въ одно гармоническое цѣлое», какъ они обѣщаютъ.

Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать имъ неудачу въ такой операціи. Выше было замѣчено, что причины, сведшія на нѣтъ работу прежнихъ синкретиковъ, — это прежде всего субъективность въ отысканіи истины — остаются въ силѣ и теперь. Но для теософовъ онъ осложняется еще тѣмъ, что они не отличаются ни искренностью, ни правдивостью, какъ мы видѣли выше, чего не замѣчается за ихъ предше-

ственников, и выступают на работу съ предвзятою цѣлю — дискредитировать христіанство — міровую религію. И вотъ плодъ ихъ синкретическаго труда: «три истины, говорятъ они, которыя абсолютно и никогда не могутъ быть утеряны: 1) Богъ существуетъ и Онъ добрѣ. Онъ великій жизнедатель, который пребываетъ въ насъ и внѣ насъ. Онъ безсмертенъ и творитъ вѣчно благо. Его нельзя ни слышать, ни видѣть, ни осязать, но Онъ можетъ быть познанъ человѣкомъ, который захочетъ такого познанія. 2) Человѣкъ безсмертенъ. Слава и величіе его будущаго не имѣетъ предѣла. 3) Божественный законъ абсолютной справедливости управляетъ всѣмъ міромъ, такъ что каждый человѣкъ есть воистину свой собственный судья, творецъ собственной жизни, надѣляющій себя свѣтомъ и тьмою, наградою и возмездіемъ» (стр. 17). Запомнимъ, что теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ *всѣхъ религій*», и что «теософія не противорѣчитъ имъ (религіямъ), но *обясняетъ ихъ*». Слѣдовательно, въ этихъ трехъ истинахъ содержится *все*, что составляетъ непререкаемую истину для всѣхъ религій, и теософы ничего не скрыли изъ того, что для религіи является непререкаемой истиной, и второе, — всѣ эти три истины содержатся въ исповѣданіи каждой религіи, или по крайней мѣрѣ большинства ихъ.

Основа всякой религіи, безъ которой религія не можетъ такъ называться, состоитъ въ увѣренности въ существованіи *личныхъ* отношеній между Богомъ и человѣкомъ. Человѣкъ молится Богу потому, что увѣренъ, что Богъ слышитъ его молитву и можетъ отвѣчать на нее, иначе онъ не сталъ бы молиться. Человѣкъ старается дѣлать угодныя Богу дѣла, ибо увѣренъ, что этимъ онъ заслуживаетъ расположеніе себѣ у Бога и помощь въ трудныя минуты своей жизни. А для этого онъ старается узнать, какія дѣла угодны Богу. Человѣкъ старается не грѣшить предъ Богомъ, т. е. не дѣлать неугодныхъ Ему дѣлъ, ибо вѣруеть, что Богъ можетъ карать его за это, а потому старается узнать, какія дѣла Богу неугодны; словомъ, въ основѣ религіи лежитъ увѣренность человѣка въ существованіи личныхъ отношеній къ нему Бога и при томъ такихъ, которыя могутъ простираться вплоть до вторженія силы Божіей въ ходъ и обстоятельства его жизни, могутъ измѣнять то и другое въ любую сторону; человѣкъ вѣруеть,

что никакихъ преградъ для дѣйствій силы Божіей въ мірѣ не существуетъ: она выше самыхъ силъ природы. Отсюда—вѣра въ чудо. Исповѣдываніе словомъ и дѣломъ такихъ отношеній, такой *связи* между Богомъ и человѣкомъ составляетъ существенную черту всякой религіи; отсюда и самое названіе религіи (*religio*—связываю). Безъ такого исповѣдыванія такъ же не можетъ быть религіи, какъ свадьбы безъ брачующихся. А между тѣмъ такая существенная основа религіи есть цѣлое ученіе о Богѣ не только какъ Творцѣ, но и какъ о Промыслителѣ и Спасителѣ. Нужды нѣтъ, что другія религіи не раскрываютъ догмата о Спасителѣ-Богѣ съ такою универсальностью, какъ христіанство, но, несомнѣнно, каждая религія учитъ, что Богъ спасаетъ и можетъ спасти каждаго въ отдѣльности человѣка и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что дѣла не измѣняетъ. Иныхъ религій нѣтъ. Если же существуетъ что либо подобное, то это уже не религія, а философская система. Но теософы взяли, да и вычеркнули изъ списка истинъ, лежащихъ въ основѣ всякой религіи эту существеннѣйшую въ религіяхъ истину, хотъ и обѣщали дать «совокупность» этихъ истинъ. Мало того, что вычеркнули они изъ «совокупности» истинъ эту непремѣннѣйшую истину, они ввели въ эту совокупность такую «истину» (истина 3-я), которая діаметрально противоположна вычеркнутой. Слѣдовательно, теософы собрали не всѣ истины, лежащія въ основѣ религій, а скрыли изъ нихъ самую существенную.

Но всѣ ли три истины, лежащія въ основѣ религій, добытыя теософами, доподлинно суть истины религій? Въ какой религіи исповѣдывается истина вторая, говорящая, что слава и величіе будущаго для человѣка не имѣетъ предѣла? Увѣряемъ, что это собственное измышленіе теософовъ, и ни одна религія этому не учитъ (не исключая даже браманизма, гдѣ будущее человѣка, состоящее въ поглощеніи безсознательнымъ, упраздняетъ всякую славу и величіе). Всякая религія инстинктивно знаетъ, что ограниченной природѣ человѣка безпредѣльное не свойственно. Учатъ же всѣ религіи не этому, а какъ разъ обратному: именно, извѣстную, а не безпредѣльную славу каждая религія обѣщаетъ не человѣку вообще, а своимъ только исповѣдникамъ, да и изъ нихъ не всѣмъ, а только особо угодившимъ Богу. Это настолько обыденный фактъ, что его можетъ провѣрить всякій безъ излишнихъ

затрудненій и безъ особыхъ спеціальныхъ знаній. У всякой религіи окажется свой рай и свой адъ; во всякомъ же раѣ окажется ограниченное число людей, надѣленныхъ извѣстной славой; а главная масса ихъ—исповѣдники другихъ религій и грѣшники своей—окажутся въ вѣчномъ безславіи въ аду. Какой же выводъ слѣдуетъ изъ этого положенія? Да какъ разъ обратный тому, какой сдѣланъ неизвѣстно изъ чего теософами. Такимъ образомъ второй истины, выставляемой теософами въ качествѣ лежащей въ основѣ всѣхъ религій, тамъ не содержится, она измыслена самими теософами.

Въ какой религіи содержится третья истина, что міръ управляется божественнымъ закономъ абсолютной справедливости, такъ что человѣкъ воистину самъ себя судья, надѣляющій себя наградою и возмездіемъ? Такая нелѣпость никогда и ни одной религіей не исповѣдывалась. И понятно, почему. Это утвержденіе теософовъ, думающихъ, что они «не противорѣчатъ» религіямъ, не только въ дѣйствительности вретиворѣчить имъ, но и разрушаетъ всякую основу религій.

По ученію теософовъ выходитъ, что Богъ поставилъ человѣка предъ механизмомъ абсолютной справедливости и Самъ удалился, оставивъ ихъ лицомъ къ лицу однихъ: попалъ кто въ этотъ механизмъ головой—голова долой; попалъ рукой—рука долой, пеняй на себя! Но мы выше видѣли, что религіи не этому учатъ, а совершенно другому: именно, что Богъ имѣетъ силу и власть участвовать въ личной жизни человѣка, гармонически соединяя справедливость съ безконечнымъ милосердіемъ, а гнѣвъ свой съ безконечною любовью. Всякому извѣстно, что существующіе во всякой религіи посты и покаяніе, въ какой бы формѣ они ни выражались, а равно и жертвы—это *необходимѣйшій элементъ религіи*; онъ **у**личаетъ теософовъ въ безпредѣльной безцеремонности въ обращеніи съ фактами и игнорированіемъ ихъ въ угоду предвзятыхъ мыслей. Такимъ образомъ и третья истина, найденная будто-бы въ основѣ всѣхъ религій теософами, на самомъ дѣлѣ не только тамъ не содержится, но противорѣчитъ ей и разрушаетъ ее.

Но на какомъ же основаніи теософы такъ безцеремонно обращаются съ тѣми истинами, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, являются для нихъ непререкаемыми истинами

и выдвигаютъ на мѣсто ихъ такія истины, которыхъ въ основѣ религій нѣтъ? Не надо забывать, что теософы берутъ весь матеріалъ, доставляемый имъ религіями, такъ сказать, не въ сыромъ видѣ, но въ обработанномъ въ горнилѣ ихъ разумности. Они предупреждали читателя, что будутъ отвергать все, что имъ покажется неразумнымъ, «какъ недостойное божества и унижительное для него». И оказалось, что все, чему учатъ религіи, очень неразумно и унижительно для него, а потому и отвергнуто ими. Но такъ какъ изъ пустаго мѣста синкретическую систему нельзя состряпать, то на мѣсто отвергнутаго ученія религій они поставили свое собственное, какъ болѣе разумное. Поэтому и вышло такъ, что въ «гармоническомъ цѣломъ» соединеніи ученій религій — ученій-то религій и нѣтъ. Оно отвергнуто цѣлкомъ и заполнено другимъ матеріаломъ. Но вѣдь не религіи у теософовъ пришли искать совокупности истинъ, а теософы у религій! Такъ зачѣмъ же свои взгляды навязывать религіямъ и выдавать ихъ за истины, лежащія въ ихъ основѣ? Послѣ этого утвержденіе теософовъ, что теософія «не противорѣчитъ религіямъ, но объясняетъ ихъ» — совершенная неправда. Ничего она не объясняетъ, а измышляетъ одно, замалчиваетъ другое и навязываетъ третье. А это и доказываетъ, что синкретизмъ, гдѣ играетъ рѣшительную роль субъективность, да еще приправленный пристрастіемъ и предвзятостью, какими страдаютъ теософы, къ истинѣ никогда привести не можетъ. Мало того, онъ можетъ неожиданно поставить тружениковъ надъ нимъ даже въ смѣшное положеніе. Напримѣръ, мы видѣли, что человѣкъ есть собственный судья и мздовоздатель и творецъ собственной жизни — такъ учатъ теософы. Но мы можемъ сдѣлать ссылку на авторитетъ, который для нихъ, а въ особенности для Ч. Литбѣрта — автора книжки, безусловно обязателенъ, и ученіе этого авторитета объ этомъ же предметѣ совершенно другое. Тамъ эти отношенія между Богомъ и человекомъ вносказательно изображаются такъ: «Одинъ мальчикъ пришелъ въ школу. Онъ былъ маленькій. Все, что онъ зналъ, воспринять съ молокомъ матери. Его школьный учитель (который есть Богъ) помѣстилъ его въ самый низшій классъ и далъ ему для изученія слѣдующіе уроки: ты не будешь убивать, ты не причинишь страданія ничему живому, ты не будешь красть. Нашъ ученикъ не убивалъ, но былъ жестокъ

и кралѣ. Когда кончился день (когда борода его сдѣлалась сѣдая) и когда пришла ночь, его учитель (который былъ Богъ) сказалъ ему: ты научился не убивать; но ты не выучилъ другихъ уроковъ. Возвращайся завтра. На другой день онъ возвратился маленькимъ мальчикомъ. Его учитель (который есть Богъ) помѣстилъ его въ слѣдующій высшій классъ и далъ ему выучить вотъ какіе уроки: ты не причинишь страданія другому, ты не будешь воровать, ты не будешь обманывать. И вотъ въ концѣ дня (когда борода его сдѣлалась сѣдая и когда прошла ночь) его учитель (который есть Богъ) сказалъ ему: ты научился жалѣть, но ты не выучилъ другихъ уроковъ. Возвращайся завтра»... и такъ слѣдовало повтореніе одного и того же, пока мальчикъ (человѣкъ) не выучилъ всѣхъ данныхъ ему Богомъ уроковъ, т. е. заповѣдей. Здѣсь ясно изображено, что человѣкъ не можетъ быть себѣ ни судьей, ни мздовоздателемъ. Не выучивъ уроковъ, онъ спокойно и увѣренно идетъ къ учителю, чтобъ засѣсть въ слѣдующій классъ; и засѣлъ бы въ «не брачной одеждѣ», если бы не Богъ, который *не присуждаетъ* ему такого права и, «*воздавая коемуждо по долгу его*», прогоняетъ назадъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ человѣку, Богъ здѣсь изображается Судьею и Мздовоздателемъ, а самъ человѣкъ—типичнымъ школяромъ, являющимся на экзаменъ съ исполу приготовленными билетами въ расчетъ на «счастье». Знаете-ли, кто этотъ авторитетъ для Ч. Литберта, такъ жестоко опровергающій его ученіе о томъ, что человѣкъ самъ себѣ судья и мздовоздатель?—Самъ же Ч. Литбертъ!.. который настолько запутался при приведеніи «въ одно гармоническое цѣлое» истинъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ религій, что написалъ эти двѣ противорѣчащія другъ другу истины въ одной и той же книжкѣ, только съ тою разницею, что первая истина писана на 17-й страницѣ, а вторая—на 53-й! А произошло это отъ того, что соединить въ одно гармоническое цѣлое разныя истины, надерганныя изъ разныхъ системъ, не впадъ гдѣ либо въ противорѣчіе,—трудъ по своей виртуозности почти невозможный. Теософамъ, съ одной стороны, понравилось ученіе деизма о невмѣшательствѣ Бога въ міровую жизнь и независимости отъ Него человѣка; а съ другой—по той же субъективной мѣркѣ имъ не менѣе понравилось ученіе языческихъ религій о перевоплощеніи чело-

вѣческихъ душъ. Но какъ съютить эти двѣ разныхъ истины изъ разныхъ системъ? Кто и по какимъ причинамъ заставить душу человѣка послѣ его смерти снова возвращаться на землю, въ «мїръ печали и слезъ»? Сама она не пойдетъ на вторичныя подвиги. Вотъ волею или неволею приходится прибѣгать къ власти Бога и разрѣшить Ему на 53-й страницѣ учинять надъ человѣкомъ то, что запрещается на страницѣ 17-й. И это противорѣчіе у теософовъ остается ничѣмъ не прикрытымъ, исключая дальность страницъ, могущую нѣсколько усыпить бдительность читателя.

Теперь перейдемъ къ изложенію того, какъ эти общія положенія теософской системы развиваются въ частности. Для насъ важно развитіе ученія о Богѣ и человѣкѣ. Мы видѣли, что эти общія положенія, или три истины, взяты вовсе не изъ ученія религій, исключая первой истины. Но тогда откуда-же? Мы видѣли, что теософы обѣщались возстановить древній синтезъ науки и религій. Здѣсь идетъ рѣчь не о синтезѣ науки и религій вообще, но именно о *возстановленіи древняго* синтеза съ его убогой наукой и убогимъ знаніемъ ученія разныхъ религій. Типичными представителями такого древняго синтеза была система неоплатонизма съ серьезнымъ наклономъ въ сторону философіи, и системы гностицизма—съ наклономъ въ сторону необузданной фантазіи. Обѣ эти системы синтеза науки и религій въ первыхъ же вѣкахъ христіанства были убиты христіанскими философами. Попытки воскресить неоплатонизмъ возникаютъ въ IX вѣкѣ въ ученіи Эригены Скотта на западѣ, но снова терпятъ пораженіе. Нынѣ, въ XX вѣкѣ, теософы снова взываютъ къ этимъ системамъ: «Перуне, выдыбай!» И, вѣроятно, для того, чтобы этотъ божокъ глубже усѣлся въ пучинѣ забвенія. Теософы и не скрываютъ своей связи съ древнимъ гностицизмомъ. Поэтому-то и оружіе религіознаго вѣдѣнія—вѣра, —у нихъ замѣняется знаніемъ (гносисъ). Они такъ и пишутъ о Богѣ: «мы не смутно надѣемся, что Онъ есть; мы даже не дѣлаемъ предмета *вѣры* изъ Его существованія; мы просто *знаемъ*, что Онъ существуетъ, какъ знаемъ, что солнце сіяетъ» (стр. 28). Равнымъ образомъ, отсюда же они заимствовали свою терминологію: Логосъ, Эонъ, Эманация. Ученіе теософовъ по отношенію къ неоплатонизму и гностицизму попрежнему является синкретизмомъ того и другого.

они надергали оттуда облюбованные ими положенія и часто съютить ихъ не могутъ, какъ было показано на примѣрѣ выше. Причемъ, главная прелесть неоплатонизма—логическая стройность и выдержанность,—въ системѣ теософовъ сильно страдаетъ, обнаруживая недостатокъ философской склепки у ея автора.

Богъ, по ученію теософівъ,—безконечное бытіе, къ которому не приложимо понятіе личности. «Но это бытіе раскрывается чрезъ проявленнаго Бога, развивающаго и руководящаго вселенной. Лишь только къ этому, ограничившему себя проявленію, возможно примѣнить выраженіе *«личный Богъ»*. Для нуждъ нашей земной жизни бесполезно подыматься выше того чудеснаго проявленія его, той направляющей силы, или божества нашей солнечной системы, которую философы называютъ Логосъ. По своему проявленію въ процессѣ творчества Логосъ нашей солнечной системы, несомнѣнно, троицень; троицень, и вмѣстѣ (въ то же время) единъ, какъ съ незапамятныхъ временъ учить о томъ религія» (стр. 27—29). Это безтолково изложенное ученіе (безконечное бытіе—Богъ раскрывается чрезъ Бога, руководящаго вселенной—вселенная, такимъ образомъ, объектъ для дѣйствій Бога, слѣдовательно, внѣ Бога стоящее особое бытіе?) взято у неоплатониковъ—основоположниковъ идеалистическаго пантеизма. Тамъ—Богъ есть все, и все есть Богъ. Но это все осуществляется чрезъ Логоса—рождаемаго Богомъ, который (Логосъ) есть сумма идей или первообразовъ міра, и т. обр. имѣетъ нѣкоторымъ образомъ самостоятельное бытіе, хотя и соподчиненное (*creatur et creat*). У теософовъ же безконечное бытіе—богъ безличный—какъ бы дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна проявляется въ мірѣ (воплощается? см. ниже) и становится личнымъ богомъ, а другая, стоящая внѣ міра и надъ міромъ,—богъ безличный. Но что же, наконецъ, личень Богъ или безличень въ итогѣ? А такъ какъ одно и то же существо не можетъ быть сразу и личнымъ и безличнымъ, то сколько же, наконецъ, Боговъ? Такая путаница у теософовъ произошла оттого, что они просмотрѣли, что Логосъ неоплатониковъ имѣетъ нѣкоторое самостоятельное бытіе; они же ничѣмъ его не отдѣлили отъ Бога. Далѣе теософы въ ученіи о Логосѣ не удержались отъ того, чтобы не примѣшать сюда ученіе, взятое у гностиковъ. Логосъ—богъ солнечной системы, про-

являясь въ мірѣ, совершаетъ великую жертву. «Образованіе же души (человѣка?) является высочайшей точкой той великой жертвы Логоса—*жертвы сошествія въ матерію*—которая носитъ названіе *воплощенія*» (стр. 45). Добавили двѣ строчки изъ другой системы—и испортили, съ философской точки зрѣнія, все дѣло, какъ одинъ Чеховскій отецъ діаконъ, добавившій отъ себя двѣ строчки къ грозному письму благочиннаго, писанному по его просьбѣ къ непутевому сыну, и сразу лишилъ письмо всякаго смысла. Дѣло въ томъ, что система неоплатониковъ отрицаетъ существованіе матеріи, и поэтому никакого сошествія въ нее Логоса не можетъ быть. Гностики-же, у которыхъ содержится ученіе о сошествіи въ матерію одного изъ Эоновъ, признаютъ за матеріей особенное бытіе, грѣховное по своему происхожденію и сущности. Явно, что соединить эти два ученія въ одно—это значитъ отказаться отъ всякой логики. Но теософы оказались въ этомъ случаѣ неустрашими и соединили, впадъ въ непримиримое противорѣчіе. Откуда у нихъ взялась матерія, въ которую сходитъ Богъ и которая, поэтому, какъ объектъ его дѣйствія—отдѣльна отъ него, когда Богъ есть все и все есть Богъ—остается незамаскированнымъ противорѣчіемъ.

Нечего и говорить, что Богъ теософовъ—совсѣмъ не Богъ религій, Которому мы молимся и Котораго любимъ и поклоняемся. Такой Богъ для нравственного чувства человѣка непріемлемъ. Но онъ непріемлемъ и для нашего мышленія; иначе говоря, такой Богъ противенъ всей природѣ человѣка. Человѣческое мышленіе не пріемлетъ безличнаго Бога—существа высочайшаго и всесовершеннѣйшаго, потому, что признаетъ совершеннѣйшей формой бытія—состояніе самосознающей личности. Богу, какъ совершеннѣйшему существу, должна быть присуща и эта совершеннѣйшая форма бытія. И мыслить совершеннѣйшее существо при несовершенномъ его бытіи—это логическое противорѣчіе. Кромѣ сего, разъ человѣческое мышленіе въ безличности видитъ низшую форму бытія, то какое мѣсто оно должно дать безличному Богу въ цѣпи нравственно-разумныхъ существъ? Кто выше: безличный Богъ или самосознающая личность человѣка? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ не можетъ быть. И тогда Богъ теософовъ, не будучи Богомъ религій, не будучи Богомъ

нашего мышления и нравственного чувства,—есть Богъ несуществующій, или такой, говоря проще, котораго нѣтъ на свѣтѣ.

Дальнѣйшее ученіе о Богѣ теософы развиваютъ въ связи съ ученіемъ о человѣкѣ. Насколько оно странно при современной разработкѣ философскихъ понятій объ абсолютномъ и религіозномъ представленіи о Богѣ—это видно изъ нижеслѣдующаго, что во избѣжаніи недоразумѣній, приводится *дословно*: «Что такое человѣкъ? спрашиваютъ теософы и отвѣчаютъ: онъ представляетъ собою эманацию Логоса, искру божественнаго огня. Духъ, заключенный внутри человѣка, по сути своей единъ съ Богомъ, и этотъ духъ облекается въ его душу, какъ въ покровъ; покровъ, заключающій его, индивидуализируетъ его, и, для нашего ограниченаго вѣдѣнія, отдѣляетъ его отъ остальной божественной жизни» (стр. 45). Нѣкогда аріане вели споръ о Сынѣ Божіемъ: единосущенъ Онъ Богу или подобосущенъ. Тогда, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, терминологія эта была точно разработана съ философской и религіозной стороны. И, слѣдовательно, когда нынѣ теософы говорятъ, что человѣкъ «единъ по сути» съ Богомъ, то уже нельзя рассчитывать на то, что они употребили здѣсь только неподходящее выраженіе по невѣдѣнію. Нѣтъ, дальнѣйшее ясно указываетъ на то, что они сознательно учатъ, что всякій человѣкъ единосущенъ Богу, но не подобосущенъ Ему, иными словами, учатъ, что всякій человѣкъ не богоподобенъ, какъ знаемъ мы, но есть *доподлинный Богъ*. «Иными словами, говорятъ они,—человѣкъ по существу божествененъ. Здѣсь достаточно указать на то, что наше божественное происхожденіе даетъ намъ увѣренность, что каждое человѣческое существо рано или поздно, несомнѣнно, возвратится на уровень божественности» (стр. 30). «Что человѣкъ уже и теперь божествененъ по своей сути и что онъ можетъ и въ настоящее время развивать въ себѣ зачатки божественныхъ свойствъ, эта мысль для многихъ добрыхъ людей кажется настолько возмутительною, что они находятъ въ ней даже отбѣнки богохульства. Почему она кажется имъ такою—трудно понять, такъ какъ самъ Иисусъ Христосъ напоминалъ окружающимъ Его евреямъ изреченія св. писанія: «Я сказалъ: вы боги», сами Отцы церкви поддерживали доктрину о божественности человѣка» (стр. 92-93).

Конечно, ни Отцы церкви, ни Св. писаніе не учили и не учать тому, чему учать теософы, удивляющіеся, что ученіе ихъ о божественности человѣка многими признается за богохульство. Въ словѣ Божіемъ, правда, сказано: *вы боги*, но контекстъ рѣчи ясно указываетъ, что употреблено это выраженіе не въ желательномъ теософамъ смыслѣ, а въ другомъ. Этимъ «богамъ» тамъ говоритъ Богъ: «доколѣ судите неправду и лица грѣшниковъ пріемлете» (81 пс.). Слѣдовательно, рѣчь идетъ о простыхъ Шемякахъ, которые не только не боги въ теософскомъ смыслѣ, но и въ порядочные люди мало пригодны. Въ библіи не разъ *судьи* названы *богами*.

«Иногда слышишь вопросъ, продолжаютъ теософы, почему, если человѣкъ былъ изначала божественнаго происхожденія, понадобилось проходить чрезъ все эти Эоны, эволюціи, переносить столько скорбей и страданій, и все это для того, чтобы снова стать божественнымъ, каковымъ онъ былъ въ началѣ? Эманация божества не была въ началѣ *человѣкомъ*, не была даже искрой, ибо въ ней не было даже опредѣленной индивидуализаціи.—Это была индифференцированная божественная сущность, способная превратиться во многія отдѣльныя искры».

Но дѣло не въ томъ, *что* была и *что* не была божественная сущность въ моментъ своего истеченія (Эманации). Дѣло вотъ въ чемъ: *какъ* божественная сущность стала ни тѣмъ, ни другимъ, а Богъ знаетъ чѣмъ? Какъ это согласить съ понятіемъ о Богѣ? Что за Эманация—(истеченіе) божественной сущности, вызывающая вопросы: *откуда* она происходила и *куда* совершалась, т. е. предполагающая, по крайней мѣрѣ, два пространства, которыми ограниченъ Богъ! Это, конечно, не смущаетъ теософовъ, не привыкшихъ углубляться въ дѣло. На эти вопросы они отвѣчаютъ только аналогіей: «разница между этою божественною сущностью въ моментъ ея эманации и въ моментъ ея возвращенія къ своему источнику такого же рода, какъ между безформенной массой гуманности и той солнечной системой, которая возникла изъ нея... и божественная сущность появляется въ началѣ какъ простое изліяніе силы, хотя бы эта сила была божественной; а возвращается она въ образѣ тысячи могучихъ Адептовъ, изъ которыхъ каждый способенъ развить въ себѣ свойства

будущаго Творца» (стр. 95). Что же такое этотъ могучій Адептъ? «Это люди, говорятъ теософы, обладающіе полнымъ вѣдѣніемъ, которые развили терпѣливо въ себѣ тѣ силы, которыя необходимы для точнаго знанія въ области духа» (стр. 8). «Въ этомъ совершенствѣ (развитіи силъ) заключается вся особенность вполне развитаго человѣка—Адепта, духовнаго учителя, Христа!» (стр. 47). Такъ какъ одной человѣческой жизни недостаточно для достиженія такого совершенства, то души человѣческія перевоплощаются послѣ смерти столько разъ, сколько надо для достиженія данной цѣли.

Но аналогія не отвѣтъ. Да и аналогія-то, судя по сути дѣла, совсѣмъ сюда не приложима. Можно помочь теософамъ найти болѣе подходящую сюда аналогію, болѣе отвѣчающую сути ученія теософовъ о Богѣ и человѣкѣ; она то и покажетъ, въ какое болото язычества зоветъ ихъ «древній синтезъ науки и религіи», какъ этого и слѣдовало ожидать отъ людей, пренебрегающихъ богатствомъ современной культуры и нищущихъ чего-то въ нищетѣ древности. Итакъ, по ученію теософовъ, человѣкъ есть тотъ же Богъ, но находящійся пока только въ періодѣ эволюціи. Схема этой эволюціи такова: по неизвѣстнымъ причинамъ изъ Богъ истекаетъ Его божественная сущность. Сущность эта не Богъ, но имѣетъ цѣлью своею только вслѣдствіи стать Богомъ чрезъ посредство эволюціи. Развиваясь, она превращается въ искры индивидуализируется; эти искры затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи, превращаются въ человѣка; человѣкъ—въ Адепта (совершеннаго человѣка Христа; слѣдовательно, Христосъ—это имя видовое), а Адептъ въ Творца; такимъ образомъ божество, завершивъ кругъ своего развитія, становится тѣмъ, чѣмъ было прежде. Ясно, что аналогія образованія изъ астрономической туманности солнечной системы—сюда не подходитъ. Астрономическая туманность ниоткуда не вытекаетъ, какъ божественная сущность теософовъ, а берется, какъ первобытное вещество, изъ котораго механически, а вовсе не путемъ эволюціи, образуется солнечная система; и образуется не съ тѣмъ, чтобы опять стать туманностью: это только можетъ быть, но можетъ и не быть. Къ ученію теософовъ объ эволюціи Бога приложима не эта астрономическая аналогія, а иная, на примѣръ, законы жизни раститель-

паго міра низшихъ его формъ: взять, хоть, грибъ. Онъ, какъ и Богъ теософовъ, выдѣляетъ изъ себя сущность свою (споры); споры, какъ и сущность Божественная, пока не грибы и никакого еще растенія не представляютъ, какъ-та — ни пскра, ни человѣкъ. Но они развиваются въ грибницы, особыя нити, какъ и божественная сущность теософовъ — въ пскры; нити образуютъ узлы — это то, что именуется у теософовъ чело-вѣкомъ. А каждый узелъ можетъ стать и становится при своемъ развитіи Адептомъ, т. е. грибомъ, который и развивается дальше въ то, чѣмъ и раньше былъ — въ первоначаль-ный грибъ или въ Творца теософовъ. Вотъ полная аналогія для ученія теософовъ объ эволюціи Бога и происхожденіи чело-вѣка! Но она обозначаетъ, что теософы учатъ не чему либо другому, какъ тому, что божественная жизнь протекаетъ по законамъ жизни органическихъ земныхъ существъ, уста-новленнымъ въ ботаникѣ и зоологіи! Причемъ, чело-вѣкъ есть не что иное, какъ одна изъ ступеней превращенія Бога, или фазы Его развитія — въ родъ гусеницы бабочки... Какая-же цѣль этихъ божественныхъ біологическихъ превращеній? Оче-видно, та же, какъ и въ жизни органическихъ земнородныхъ существъ — *размноженіе*! Теософы этого не скрываютъ и говорятъ такъ: «божественная сущность проявляется въ началѣ, какъ простое изліяніе силы, а возвращается она въ образѣ *тысячи* Адептовъ — будущихъ Творцовъ»...

Итакъ, ученіе теософовъ — есть ученіе о *размножаю-щемся Боге*, или иначе говоря — безпримѣрная нелѣпость въ области необузданной чело-вѣческой фантазіи древняго языческаго міра, стоящая во всей своей оголенности предъ изумленнымъ читателемъ двадцатаго вѣка!... Впрочемъ, теософы вѣрны своему слову: они вѣдь и старались воскресить древ-ній синтезъ науки и религіи. Дѣйствительно, въ древней Греціи вѣровали, что боги размножаются; но для этого ихъ попросту женили, такъ какъ этотъ способъ размноженія, приличный людямъ, предполагалось, есть наиболѣе совершен-ный, а потому наиболѣе приложимый и къ богамъ. У гно-стиковъ эоны, дѣлясь на мужскіе и женскіе, тоже вступали въ бракъ. При современномъ же знаніи законовъ природы оказывается, что этотъ способъ размноженія очень сложенъ, а потому и не первоначаленъ. Изначальный же способъ раз-множенія — это безбрачное выдѣленіе сущности. Слѣдовательно,

теософы, съ этой точки зрѣнія справедливо подправили заблужденіе древнихъ грековъ; если богъ размножается, то ужъ никакъ не путемъ женитьбы, а этимъ именно изначальнымъ способомъ размноженія, потому-что Богъ и Самъ изначаленъ. Вотъ что значить быть разумнымъ и умѣть удалять изъ ученій религій «все неразумное и недостойное божества»!

Но все это ничего не доказываетъ, исключая одного: теософамъ, какъ въ древности первымъ людямъ—Адаму и Евѣ, сильно возжелалось быть богами. Но Адамъ съ Евою хоть что нибудь да предприняли для достиженія своего желанія—стать богами: взяли да съѣли запрещенный плодъ. Теософы же и этой немудрой вещи сдѣлать не желаютъ. Просто желаютъ быть богами и объявляютъ, что они боги и есть; на манеръ городничихи, Анны Андреевны, которой тоже очень желательно было быть брюнеткой, и она, безъ употребленія косметическихъ средствъ, объявила себя брюнеткой и только! Но, вѣдь, отъ этого она брюнеткой, г.г. теософы, всетаки не сдѣлалась! Римскіе императоры были не чета теософамъ, ибо располагали огромными физическими силами заставить подчиненные имъ народы считать ихъ богами. Но, вѣдь, ни Неронъ, ни Каллигула въ боги, однако, не годились! Теософы же и этихъ средствъ не имѣютъ, чтобы заставить считать ихъ богами. Чѣмъ они располагаютъ для этого? Чернилами, бумагою и перомъ? Но вѣдь писать тоже можно, что угодно. Вотъ одинъ такой же мыслитель... изъ коллегскихъ регистраторовъ! взял да и написалъ на казенной бумагѣ, что онъ не коллежскій регистраторъ, а «Фердинандъ VIII, король Испаніи»; не сталъ же онъ отъ этого въ самомъ дѣлѣ испанскимъ королемъ! Такъ и теософы; не были и они до написанія своей книжки богами, не сдѣлаются ими и послѣ изданія ея въ свѣтъ.

Священникъ *Василій Ивановскій.*

Епархіальная хроника.

Въ первыхъ числахъ истекшаго сентября, по мысли и предложенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвящ. Владыки Пароенія, о. кафедральнымъ прот. В. А. Кутеповымъ

былъ организованъ дамскій кружокъ изъ женъ и дочерей духовенства г. Тулы.

Давая указанія касательно организаціи этого кружка, Владыка намѣтилъ главную его цѣль, сказавши, что міровая война принимаетъ все болѣе и болѣе напряженный характеръ; въ параллель этому должна шире проявляться и общественная самодѣятельность, направленная на помощь своей отчизнѣ. Владыка указалъ, какими путями и средствами возможно было-бы достигнуть намѣченной цѣли,—поставилъ, такъ сказать, вѣхи, по которымъ дамскій кружокъ долженъ идти въ своей милосердной дѣятельности.

Преподавши руководственныя указанія по части организаціи дамскаго кружка, его цѣли и дѣятельности, Владыка выразилъ пожеланіе, чтобы эта организація, какъ рожденное войной дѣтище, осталась и послѣ войны,---чтобы благотворительность, такъ присущая духовенству, проявлялась и въ мирное время, и такая дѣятельность духовнаго сословія, какъ нельзя лучше, украшала-бы сословіе, и враги духовенства были-бы обезоружены и безотвѣтны. Хотя благотворительная дѣятельность выражалась и выражается въ разныхъ видахъ, путемъ организаціи всевозможныхъ братствъ, обществъ, совъѣтовъ, но все же надо расширить эту дѣятельность, углубить, сдѣлать болѣе яркой, сильной, увеличенной.

Какъ уполномоченное Его Высокопреосвященствомъ лицо, о. кафедральный протоіерей пригласилъ на учредительское собраніе женъ и дочерей священнослужителей г. Тулы, и на его зовъ отозвались, правда, немногія, но это «малое стадо не убоилось» и не охладило своихъ порывовъ, а въ сознаніи, что всякое великое дѣло всегда и неизбѣжно начинается съ малаго, начало обсуждать, что и какъ сдѣлать. Была намѣчена канва дѣятельности, рядъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію на будущихъ собраніяхъ, а при обсужденіи вопроса о средствахъ было рѣшено установить обязательный взносъ въ пользу дамскаго кружка въ 50 к., 1 р. и 3 р., --первый для женъ псаломщиковъ, послѣдній--для женъ протоіереевъ. Здѣсь же было избрано правленіе кружка, въ составъ котораго вошла, въ качествѣ предсѣдательницы, талантливая дочь бывшаго о. кафедральнаго прот. А. Н. Иванова—Л. А. Коцевольская, вдова, извѣстная женщина-литераторъ; казначейшей была избрана жена прот. А. И.

Моисеева, секретаремъ жена священника Старо-Никитской ц. Е. В. Никольскаго.

Протоколъ учредительскаго собранія былъ препровожденъ на Архипастырское благовоззрѣніе Его Высокопреосвященства. Утвердивши правленіе, преподавъ свое Архипастырское благословеніе на открывающуюся организованную дѣятельность дамскаго кружка, Владыка, какъ врагъ всякаго принужденія, не утвердилъ того пункта протокола, который говорилъ объ обязательности взноса въ извѣстной градаціи. Владыка предложилъ предоставить каждой участницѣ жертвовать по указанію своего сердца.

На этихъ основахъ началась дѣятельность дамскаго кружка, въ началѣ непримѣтная, а въ настоящее время все болѣе и болѣе приобретающая крупный масштабъ и привлекающая симпатіи своей живостью, планомѣрностью, а главное —сердечностью.

Желая воодушевить начинающихъ труженицъ, Владыка сдѣлалъ первое пожертвованіе въ 25 рублей. Одинъ священникъ пожертвовалъ свою на хорьковомъ мѣху рясу, которую дамскій кружокъ разыгрываетъ за 300 рублей. Стали поступать единовременныя пожертвованія, членскіе взносы, и работа закипѣла. Правленіе еженедѣльно устраиваетъ собранія, на которыхъ и рѣшаетъ текущія дѣла, намѣчаетъ новыя. Одно изъ такихъ засѣданій посѣтилъ Высокопреосвящ. Владыка вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ Тулу по дѣламъ своего училища о. инспекторомъ Бѣлевскаго Епархіальнаго училища, прот. Е. Я. Благодѣловымъ, котораго Владыка пригласилъ съ тѣмъ, чтобы воочію показать дѣятельность дамскаго кружка въ Тулѣ и предложить такой же организовать въ г. Бѣлевѣ, гдѣ также много духовенства.

На этомъ собраніи Владыка сдѣлалъ очень крупное пожертвованіе въ пользу дамскаго кружка: Его Высокопреосвященство пожертвовалъ роскошную, вѣсистую цѣпь отъ панатіи, червоннаго золота, выразивши пожеланіе, чтобы цѣпь была продана въ Государственный Банкъ, а деньги пошли на дѣятельность кружка, такимъ образомъ, кружокъ отчасти увеличить золотую валюту государства и получить средства для дѣятельности.

На 12-е октября, въ канцеляріи Епархіальнаго Училищнаго Совѣта состоялось общее собраніе всѣхъ участницъ

кружка, на которое собралось около 50 женъ Тульскихъ священнослужителей, а также и учительницъ ц.-пр. школъ.

На этомъ собраніи былъ прочитанъ отчетъ о мѣсячной дѣятельности кружка. Это общее собраніе также почтिल् своимъ посѣщеніемъ Высокопреосвящ. Владыка, внимательно выслушавшій краткій отчетъ, прочитанный предѣлательницей кружка Л. А. Коцевольской, которая попутно давала Владыкѣ нѣкоторыя разъясненія по тѣмъ или инымъ вопросамъ.

Отчетъ произвелъ должное впечатлѣніе. Оказалось, что дамскій кружокъ, не смотря на свои, такъ сказать, младенческіе дни существованія, уже располагаетъ сотнями рублей, и также сотнями вещей.

Владыка выразилъ полное удовлетвореніе отъ дѣятельности кружка, сказавъ, что его порадовали не столько крупныя цифры денегъ, вещей, какими уже располагаетъ кружокъ за одинъ только мѣсяцъ своей дѣятельности, сколько тѣ большія надежды и высокіе порывы, которые такъ живо чувствуются въ разговорахъ и преніяхъ участницъ. Преподавъ свое Святительское благословеніе на дальнѣйшіе труды дамскаго кружка, Владыка покинулъ собраніе.

Нужно-ли говорить, что одобреніе Владыки влило новую силу и бодрость въ настроеніе участницъ, и онѣ разошлись по домамъ при отрадномъ сознаніи сдѣланнаго добра, имѣющаго цѣну и на небѣ и у своего Архипастыря, такъ сильно и давно желавшаго видѣть организованной патріотическую дѣятельность женской половины Тульского духовенства.

Съ 11-го октября, въ Николо-Часовенскомъ храмѣ началось служеніе торжественныхъ, воскресныхъ вечереѣ съ чтеніемъ акафиста, общенароднымъ пѣніемъ и собесѣдованіемъ. Для собесѣдованій Владыка организовалъ проповѣдническій кружокъ, въ составъ котораго вошли лучшіе—10—Тульскіе проповѣдники, которые по очереди ведутъ собесѣдованія на Евангеліе отъ Матѣя.

Первую бесѣду провелъ самъ Владыка. Въ церкви полумракъ, на кафедрѣ стоитъ въ полномъ своемъ облаченіи Святитель, съ Евангеліемъ въ рукахъ и, освѣщая книгу двухъкопеечной свѣчечкой, прочитывалъ по отдѣламъ стихи изъ 9-й гл. Еванг. Матѣя, передавая смыслъ въ самой популярной формѣ.

Владыку окружили плотнымъ кольцомъ богомольцы и внимали каждому его слову. Нужно видѣть эту картину, чтобы судить о томъ значеніи и вліяніи на души богомольцевъ, которые жаждутъ утѣшенія въ наши грозные военные дни, приносящіе столько печали. Полчаса продолжалась бесѣда Владыки, но она не утомила вниманія: всѣ безмолвно стояли и назидались,—назидались міряне, назидались и священнослужители, уѣждаясь, какъ надо вести бесѣды съ своими пасомыми. Закончилъ Владыка призывомъ къ помощи Отечеству, переживающему тяжелые дни, когда упорный и вѣроломный врагъ вторгся въ предѣлы нашей Родины, сокрушая и разоряя на своемъ пути все безъ различія.

Кончилъ Высокопреосвящ. проповѣдникъ, и мощный, всенародный хоръ огласилъ своды церковные пѣніемъ молитвы за Царя, которая теперь, когда въ главѣ нашей доблестной арміи стоитъ, въ качествѣ Верховнаго ея Вождя, Государь Императоръ, имѣетъ свой особый смыслъ.

20 октября, въ Кафедральномъ Соборѣ Преосвящен. Гувеналіемъ, въ сослуженіи кафедральнаго духовенства, была отслужена панихида по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III.

21 октября, въ высокаторжественный день восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, литургію и установленный молебенъ совершилъ Высокопреосвящ. Владыка Парѣній въ сослуженіи Преосвящ. Гувеналія. За литургіей Владыка рукоположилъ А. Баженова, воспитанника Т. Д. Семинаріи, выпуска 1914 г., во діакона.

Всенощную подъ «Казанскую» съ чтеніемъ акафиста, литургію и молебенъ на праздникъ Его Высокопреосвященство совершилъ въ Николо-Часовенскомъ храмѣ, гдѣ рукоположилъ А. Баженова во священника, опредѣленнаго къ церкви села Спасскаго на Плавичѣ, Черн. у.

Ключарь Кафедр. Собора, свящ. *Н. Алявдинъ*.

Редакторъ, преподав. Семин. **А. Краснопѣвцевъ**.

Печатать дозволяется 1915 г. ноября 1 дня.
Цензоръ священникъ Александръ Моисеевъ.

Электро-печатня Покровскаго Подворья. Тел. ф. № 4—28.

